

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Воскресенье, 7 апреля, двадцать лет назад

— Тебе что больше нравится, — спросила Эми, — фиолетовый дельфин или розовая утка?

— Самое классное, — отметила Сьюзен, глядя свою дочь по шелковистым волосам, — что мы можем себе позволить и то и другое.

Они стояли у прилавка в магазине для рукоделия и творчества «Ярмарка Соаве» в Гленс-Фолсе и выбирали бусинки, чтобы Эми могла сделать такое же ожерелье, как у ее подруги Кейт. Эти долгие, неторопливые прогулки воскресным днем после посещения церкви были у Сьюзен любимым временем.

— Они дорогие? — спросила Эми, широко распахнув свои большие карие глаза.

Сьюзен взбесило, что ее семилетняя дочь с ходу начала разговор про «дорогие».

— Что за вопрос! — ответила она. — Возьми столько, сколько душе угодно.

В итоге они купили сотню бусинок, и, когда вышли из магазина, Эми даже подпрыгнула от восторга:

— У нас одиннадцать разных животных и бусинки одиннадцати с половиной разных цветов! — воскликнула она.

Сама Сьюзен была тихой и застенчивой девушкой, она подумала: *откуда только у меня появился этот маленький сгусток энергии?* Не то чтобы она жаловалась, так...

Они направились в соседний магазинчик «Баскин Роббинс» за фирменным сливочным кофейным мороженым джамока с миндалем.

— А это дорого стоит? — спросила Эми.

Господи помилуй!

— Не переживай, — ответила Сьюзен.

Дэнни пытается продать дом уже второй месяц, и Эми явно чувствовала связанное с этим напряжение. Но удача обязательно повернется к нему лицом, так было всегда. Внутри теплилась надежда, что сегодня день открытых дверей по продаже недвижимости прошел удачно.

До конца уничтожив свои гигантские рожки с мороженым — девочка-подросток за прилавком, очарованная Эми, выдала им по двойной порции, — они загрузились в «Додж-Дарт», принадлежащий Сьюзен, и двинулись в сторону дома через подножие хребта Адирондак. Начинался апрель, и на деревьях распускались почки.

— Мама, почему лягушки квакают? — спросила Эми.

— Так они находят себе подружек.

Эми захихикала.

— Не, ну правда.

— Я не шучу. Таким образом они говорят своим сородичам: я ищу любо-о-о-о-о-овь.

Последнее слово она тянула и тянула, чем привела Эми в полнейший восторг. До конца поездки они соревновались, кто из них протянет слово «любо-о-о-о-о-овь» подольше.

— Я люблю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю тебя, — произнесла Эми.

— Я люблю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю тебя больше, чем луна лю-ю-ю-ю-ю-ю-бит звезды, — ответила Сьюзен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Суббота, 27 ноября, наши дни

С пивом в руке Сьюзен наблюдала за толпой, танцующей тустеп¹ на танцполе, и думала, как же странно, что этим вечером, который был посвящен такому жестокому убийству, все пьют и веселятся напропалую. Старые деревянные стены были украшены розовыми и фиолетовыми воздушными шариками, группа «Стоуни-Крик бойс» давала бесплатный концерт. С тех пор как кончился летний сезон, эта ночь для бара «Ворона» стала самой горячей.

Терри, лучшая подруга и коллега Сьюзен по закускойной, тронула ее за плечо:

— Хочешь потанцевать?

Сьюзен с ходу стала отказываться, но Терри наклонилась ближе и сказала:

— А Эми бы хотела, чтобы ты согласилась. Она любила танцевать.

Это была чистая правда. Эми начала танцевать под кантри, как только научилась ходить, ей бы понравилась эта вечеринка. Так что Сьюзен согласилась и вышла из-за своего столика.

Ее выход на танцпол не остался незамеченным. Три молодые женщины, стоявшие рядом — это были подружки детства Эми, — ободряюще улыбнулись ей, и все посетители стали расступаться, чтобы освободить проход. Сьюзен честно не могла вспомнить, когда танцевала в последний раз, ее тело, казалось, закаменело. Но она сказала себе, что вряд ли этой ночью кто-то ее осудит.

¹ Американский бытовой танец двудольного размера. *Здесь и далее примечания переводчика.*

Музыканты прибавили громкость, Терри обняла Сьюзен, которая пыталась поймать ритм. Она посмотрела в сторону бара и увидела толпу. Все глядели на нее и хлопали в ладоши. Казалось, сюда пришли все, кого она знала в городке, и все они соединились с ней в танце.

Сьюзен на мгновение закрыла глаза и покачнулась, прислушиваясь к звуку гитары. *Я должна быть благодарна за этот праздник.* В конце концов, все происходящее было устроено для нее.

Она посмотрела на стену за стойкой бара. Там висела огромная фотография Эми двадцатилетней давности. Тогда ей было семь лет. Снимок сделан с выцветшего полароидного снимка, поэтому он немного размыт. Но широкая, беззубая улыбка и радостный настрой Эми были видны ярко и четко. Светло-каштановые волосы ниспадали на плечи, а на шее красовалось ожерелье из разноцветных бусин. Если подойти поближе, можно было разглядеть отдельные бусинки: фиолетовый дельфин, розовая утка...

Это была любимая фотография дочери. Сьюзен сделала ее незадолго до того, как Эми убили.

— А вот и Эван, — прошептала ей в ухо Терри.

Сьюзен увидела танцующего рядом с ней Эвана Малленса. Ему было пятьдесят семь, на два года старше нее, недавно разведен. В прошлом году он переехал в их городок, чтобы возглавить художественную школу «Народная школа Адирондака», и, похоже, Сьюзен ему нравилась. По крайней мере, раз в неделю он приходил к ним в закусокную, флиртовал с ней, и Терри всегда говорила, что если Сьюзен хоть немного проявит к нему ответный интерес, то он тут же пригласит ее на свидание.

Выглядел он неплохо. Но Сьюзен отвыкла от подобных мыслей, как и от самих танцев. Так что она просто

посмотрела на то, как Эван широко ей улыбнулся, на его красную рубашку в клетку, очень быстро улыбнулась в ответ и повернулась к нему спиной.

Сьюзен внезапно обнаружила, что стоит напротив своей матери, которая сидела за соседним столиком, пила пиво и качала головой в такт музыке. Ленора помахала ей рукой, затем наклонилась над своим кислородным баллоном и прокричала сквозь музыку:

— Классная вечеринка, не правда ли?

Ага, классная вечеринка. Вопреки своему желанию, Сьюзен почувствовала, как внутри нее снова оживает липкая волна погребенного в ней гнева. В том, что случилось с Эми, виновата ее мать...

Нет, прекрати даже думать в этом направлении...

Грохот гитар и ударных ознаменовал конец песни, и все зааплодировали. Джонни, длинноволосый солист с грубым лицом, ответил на аплодисменты, сняв свою фиолетовую ковбойскую шляпу и отвесив низкий поклон. Он не был величайшим певцом в мире, но компенсировал это тем, что Ленора называла «энергетикой».

Он крикнул в толпу:

— Как у вас дела этим вечером?

Народ завопил и заорал что-то в ответ, а Джонни широко улыбнулся. Потом он поднял руки:

— Как вы все знаете, — произнес он со сцены, — сегодня мы собрались не просто на танцульки.

Толпа была не настроена разговаривать на серьезные темы, поэтому они добродушно освистали Джонни. Какой-то пьяный парень на танцполе крикнул:

— Заткнись и пой давай!

Джонни не обратил на это никакого внимания.

— Сегодня мы пришли сюда по особому случаю.

На этих словах все притихли. Пьяный пытался продолжить выражать свое недовольство, но кто-то толкнул его локтем в бок, и он остановился на полуслове.

— И поэтому, — продолжил Джонни, снимая микрофон со стойки, — я хотел бы пригласить на сцену Сьюзен Лентиго, маму Эми.

Сьюзен ненавидела выступать на публике, но после убийства дочери у нее накопилось достаточно опыта в этой сфере, поэтому она легко справилась с волнением. Подойдя к небольшому возвышению для музыкантов, она пригладила свои темно-каштановые волосы, поправила очки и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Сьюзен не любила наряжаться, не то что много лет тому назад, но была рада, что сегодня позволила маме уговорить ее надеть красивую желтую рубашку и немного накраситься. Толпа почтительно захлопала, когда она поднялась на две ступеньки и взяла микрофон из рук Джонни.

— Всем привет, — произнесла Сьюзен, но микрофон был слишком близко, поэтому вместо слов из динамиков раздался чудовищный визг. Она увидела, как ее мама поморщилась. Джонни шагнул к ней, чтобы помочь, но она знала, что делать. Сьюзен отодвинула от себя микрофон на несколько сантиметров и начала заново:

— Всем привет!

На этот раз все сработало.

Она посмотрела на людей в баре. Некоторые из них знали ее всю свою жизнь. Детство, замужество, трагедия. Многие из них помогали искать Эми в лесу.

Теперь они снова протягивали ей руку помощи. Каждое пиво, проданное в баре сегодня вечером, пойдет на оплату дороги в тюрьму в Северной Дакоте, куда она собиралась поехать на следующие выходные.

Кроме того, воскресный вечер не совсем подходящее время для разговора с Ленорой. Обычно в конце недели она была не в лучшей форме. Разумнее было подождать с разговором до завтра.

Поэтому Сьюзен с Эми провели время за кухонным столом, собирая бусины в ожерелье. Для украшения того размера, который хотела Эми, им понадобилось пятьдесят бусинок, поэтому они потратили много времени, выбирая, какие именно им подойдут.

— Дельфин и утка должны быть рядом друг с другом, потому что они собираются пожениться, — заявила Эми.

— Логично, — ответила Сьюзен. — А как насчет синего единорога?

— Ну, по обе стороны у него должны быть желтые бусинки. Или красные? Как ты думаешь, мамочка? — Эми нахмурила брови, как будто от ответа на этот вопрос зависела судьба всего мира.

Сьюзен улыbnулась и погладила Эми по волосам. Как же ей повезло, что она смогла подарить миру такое прекрасное создание! Когда они закончили собирать ожерелье, на городок опустилась ночь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Воскресенье, 28 ноября, наши дни

Вечеринка в «Вороне» закончилась за полночь. Сьюзен стояла на улице, на холодном адирондакском ветру, благодарила и обнимала каждого, ощущая тепло.

А потом пришло время возвращаться домой. Сьюзен уже села в свой старенький «Додж-Дарт» вместе с мамой, когда подошла попрощаться Терри.

— Повеселись там! — крикнула она через окно. — Убей его наповал!

Сьюзен поняла, что это был такой намек на казнь, и покачала головой, улыбнувшись.

Пять минут спустя они подъехали к дому. Это был уютный трехкомнатный домишко неподалеку от той улицы, на которой Сьюзен жила много лет назад с мужем и дочкой. Ленора покатила свой кислородный баллон по дорожке к дому, в то время как Сьюзен несла большой пластиковый мешок для мусора, наполненный собранными за сегодняшний вечер наличными.

— Выглядит тяжело, — прокомментировала Ленора, — как ты думаешь, сколько там?

— Много, — ответила Сьюзен. Она споткнулась на ступеньках крыльца, чувствуя себя выжатой как лимон. Но вечер определенно удался: они собрали гораздо больше денег, чем она ожидала.

Сьюзен отперла дверь, и они вошли. Когда женщины проходили через гостиную, устланную ворсистым ковром, Ленора сказала:

— К черту казнь. Тебе следует поехать во Флориду и оттянуться на пляже.

Только не это. Вот уже несколько месяцев Ленора пыталась отговорить ее от участия в казни. Но она понимала, что мать не имеет в виду ничего плохого, она просто волновалась за Сьюзен. Если та снова увидит Чудовище, то вскрыются старые раны. Поэтому она проглотила свое раздражение и ответила:

— Не знаю насчет Флориды, но, может быть, по дороге я заеду на Ниагарский водопад.

Она не была уверена, всерьез ли говорит об этом, но Ленора ухватилась за слова:

— Обязательно поезжай! И еще посети гору Рашмор. Спорю, это нечто!

Они вошли в кухню, Сьюзен развязала мешок для мусора. Чтобы освободить место для денег, Ленора убрала со стола кофейник и салфетницу в форме уток. Единственное, что всегда объединяло их с мамой, — это память о любви Эми к уткам. Всякий раз, когда Сьюзен или Ленора находили утку на распродажах и блошиных рынках, они хватали ее и несли в дом.

Сьюзен выложила купюры на стол и ошеломленно уставилась на них. Она никогда в жизни не видела столько денег, даже в субботу вечером в закусочной на День независимости.

Ленора подняла две толстые пригоршни банкнот и поднесла их к носу:

— Боже, как хорошо пахнут эти деньги. Я хочу их съесть.

Сьюзен подняла с пола пару случайных купюр.

— Мы должны разложить их по стопкам.

Они начали складывать деньги по достоинству: один доллар, пятерка, десятка, иногда даже двадцатка. В углу у плиты их старый серый кот Румпель сидел и облизывал лапы.

— Знаешь, с такой кучей наличных, — сказала Ленора, и Сьюзен приготовилась снова разозлиться, потому что точно знала, что за этим последует, — ты могла бы взять билет на самолет.

Ленора была одержима страхом, что Сьюзен попадет в аварию по дороге в Северную Дакоту. Окей, но, несмотря на то что она никогда раньше так далеко не ездила за рулем одна, ее дочь достаточно опытный и внимательный водитель. Ленора должна была расслабиться!

Сьюзен была почти уверена, что понимает, почему Ленора так чрезмерно опекает ее. Мать все еще пыталась

загладить вину перед дочерью за то, что должным образом не смогла защитить свою внучку Эми.

— Полет туда-обратно обойдется мне в восемьсот сорок долларов, — произнесла Сьюзен настолько спокойно, насколько смогла.

Ленора показала на стопки наличных:

— У тебя здесь больше.

— Да, но мне нужны деньги на гостиницу в Северной Дакоте — это девяносто долларов за ночь, плюс деньги на еду. Плюс я оставляю тебе пятьдесят долларов, чтобы ты продержалась неделю.

— Ничего мне не надо. Я прекрасно справлюсь сама.

Сьюзен промолчала. Они обе знали, что Леноре через пару дней придется снова отправиться за продуктами, которые обойдутся, если уж на то пошло, больше чем в пятьдесят долларов.

— А ты не можешь оплатить билет картой?

Либо у мамы проблемы с памятью, либо она намеренно испытывает ее терпение. Сьюзен стиснула зубы:

— У меня на счету по нулям, я же тебе говорила.

Она взяла с подоконника резинки и обмотала ими стопки по доллару и пятеркам. Стопки десяток и двадцаток были поменьше, поэтому она зажала их скрепками.

— Мне не нравится, что ты едешь так далеко на север. А если начнется снегопад?

— А не ты ли говорила, что в жизни всегда есть место приключениям?

— Да, но не до такой же степени. Я не хочу, чтобы ты катилась по шоссе, как по катку. И твоей ноге явно не понравится дорога длиной в две тысячи километров.

А вот теперь все, хватит. Сьюзен села и пристально посмотрела на мать.

— Мам, я двадцать лет ждала того дня, когда умрет этот человек. И если мне помешают мои ноги, то я отрежу их к чертям собачьим и продолжу свой путь.

Ленора взглянула в ответ и покачала головой.

— Тебе определенно надо снова выйти замуж, — сказала она.

Сьюзен закатила глаза:

— Окей, мам.

— И не закатывай мне тут свои огромные карие глаза, ты все еще очень привлекательная женщина. И это неправильно, что ты прячешь себя ото всех.

— Я же сказала: окей.

Но Ленора была не намерена сдаваться просто так.

— А как тебе этот парень Эван? Он красавчик, тебе так не кажется?

— Да пофиг, — ответила Сьюзен и сразу поняла, что говорит как подросток. Она встала из-за стола и порылась в ящиках в поисках скрепок.

Может быть, идея о том, чтобы жить вместе с Ленорой, была и не такая удачная, как показалось сначала? Но она переживала, что мать живет одна, да и денег на то, чтобы содержать два дома, все равно бы не хватало.

— Я бы могла тебя подстричь, надо убрать немного седины, — сказала Ленора.

Сьюзен должна была отдать должное своей маме: та никогда не сдавалась. Она скрепила двадцатки и засунула их глубоко во внутренние карманы своего поношенного шерстяного пальто вместе с другими купюрами. Затем она встала из-за стола:

— Завтра тяжелый день, мне пора спать. Да и тебе тоже.

— Нет. Мне нужно закончить твой шарф.

Ленора достала свое вязанье. Это был яркий шарф цвета морской волны для Сьюзен, чтобы та надела его, когда поедет на север.

— Хорошо, спокойной ночи, мама.

— Спокойной ночи, крошка.

Сьюзен отправилась спать в ту же постель, которую когда-то делила с Дэнни. Ее мама жила в старом кабинете Дэнни, потому что в спальне Эми все еще было полно ее вещей. На подушке девочки обнялись два кролика, совсем как в то утро, когда ее похитили. Сьюзен дала себе обещание, что не тронет ничего в комнате дочери до тех пор, пока ее убийца не будет мертв. Ленора считала это глупостью, но Сьюзен стояла на своем.

На следующее утро она проснулась в половине шестого и никак не могла снова заснуть. Сьюзен сварила кофе и решила, что двинется в путь пораньше.

В рассветной тишине она оглядела дом, из которого ей скоро предстоит начать свое путешествие. Доставая молоко для кофе, не сводила глаз с дверцы холодильника. Она была увешана фотографиями Сьюзен, Леноры и Эми разных лет: вот они катаются на санках у водопада Баттермилк, вот плавают в озере, вот держат в руках две маленькие тыквы, которые вырастили на заднем дворе. На уровне глаз висело фото Сьюзен и Эми в ночь на Хеллоуин, в одинаковых костюмах принцесс.

Чуть ниже на холодильнике находились фотографии с Дэнни. Сьюзен всегда было немного грустно, когда она смотрела на них, но одновременно она не могла не улыбаться: вот они вместе ловят рыбу на покрытом льдом озере Джордж — рыбачить было не совсем ее, но тогда ей очень понравилось; вот они в медовый месяц, который провели на островке в городе Бар-Харбор, штат Мэн. А вот

ее любимая фотография — на ней Дэнни был запечатлен в больнице сразу же после рождения Эми. Сьюзен держала ее на руках, а он целовал крошечные пальчики малышки...

— Доброе утро, дорогая! — Сьюзен смотрела, как ее мама вошла в комнату, гордо держа в руках только что связанный шарф. — Вот, закончила вовремя, для тебя.

Два часа спустя, когда Сьюзен была полностью собрана и готова к отъезду, Ленора обернула шарф вокруг шеи дочери. Сьюзен посмотрела на себя в зеркало в гостиной. На ней были старое серое пальто, темно-синий свитер, выцветшие джинсы и ботинки восьмилетней давности. Но яркий шарф цвета морской волны придавал ей более жизнерадостный вид.

Все это заставило ее почувствовать себя так, словно она отправляется навстречу большому приключению.

Хотя было бы странно относиться к поездке на казнь как к приключению.

Она смотрела, как тонкие, покрытые венами материнские руки поправляют шарф, и напредила себе, как сильно мама любила ее. Ленора не была идеальной, и Господь знает, какую ошибку она совершила. Но она была хорошей матерью.

— Спасибо, мама. Он великолепен!

Лицо Леноры просияло. Затем она сказала:

— В дорогу я собрала тебе пакетик арахиса и шоколадные чипсы. И еще те сухие сладкие ягоды клюквы, которые ты любишь.

Сьюзен пожалела, что ее мама не сэкономила эти деньги, чтобы купить себе продукты на неделю, но тем не менее просто сказала:

— Спасибо, мама.

— Я положила все в твою сумочку. Кроме того, я приготовила тебе это...

Ленора подошла к холодильнику и взяла откуда-то с верхней полки маленькую бутылочку с распылителем. Баллончик был наполнен красной жидкостью. Она протянула его Сьюзен.

— Что это такое? — спросила та, поднеся бутылочку поближе к лицу.

— Аккуратнее, это перцовый баллончик!

Сьюзен быстро отодвинула бутылку на расстояние вытянутой руки от себя. Боже, ее мама окончательно съехала с катушек.

— Ты серьезно?

Ленора кивнула.

— Забористая штука. Красный перец и медицинский спирт.

Сьюзен недоверчиво подняла брови, глядя на маму. Ленора сделала обиженное лицо:

— Эй, там полно чокнутых болванов.

Сьюзен решила не спорить. В конце концов, что, если она действительно попадет в автомобильную аварию и это последний раз, когда она видит свою маму? Или что, если у Леноры случится инсульт, пока дочери не будет дома? Сьюзен слишком хорошо научилась тому, что все может случиться внезапно и все может быть в последний раз.

— Спасибо, — поблагодарила она и положила самодельный перцовый баллончик в сумку.

Затем она покатила чемодан с наполовину сломанной молнией по грязному гравию к своей машине и положила его в багажник. Сьюзен не могла поверить, что наконец-то отправляется в это путешествие. Пока ее мама выкатывала свой кислородный баллон на улицу и наблюдала

за действиями дочери, Сьюзен положила сумочку на переднее сиденье.

Теперь она была готова тронуться в путь.

На самом деле, она уже была в пути.

— Вернусь к следующей среде. Таблеток у тебя на две недели вперед, — сказала она маме.

— Ты позвонила Дэнни? — в свою очередь произнесла та.

Сьюзен уже собиралась захлопнуть дверцу багажника, но остановилась и посмотрела на маму. У нее возникло ощущение, что Ленора уже несколько дней хотела задать этот вопрос, но боялась расстроить ее лишним раз.

Пытаясь скрыть свое смущение, Ленора с воинственным видом выпятила вперед подбородок:

— Так позвонила?

Сьюзен пожала плечами:

— А зачем? — Она не хотела, чтобы ее мама знала, как много она думала о Дэнни в последнее время. С тех пор как Верховный суд отклонил последнее прошение Чудовища о помиловании и вопрос казни был решен окончательно.

— Вообще-то, Эми была и его дочерью. Не его вина, что вы расстались.

— Я так никогда и не говорила.

— Может быть, он и не был идеальным, но он был хорошим человеком. Вам, ребята, сдали дерьмовые карты...

Забавно, всего минуту назад Сьюзен думала примерно то же самое о Леноре: вроде не идеальный человек, но совсем не заслуживает того невезения, которое выпало на ее долю. Голова Сьюзен внезапно отяжелела, хотя было еще утро. Она не хотела думать о Дэнни прямо сейчас и захлопнула багажник:

— Мне нужно выдвигаться.

Она подошла к маме и слегка нахмурилась, глядя на ее сутулую фигуру и думая о том, какой же хрупкой она вдруг стала. Но потом Сьюзен улыбнулась.

— Чего ты смеешься, — Ленора была готова к нападению.

— Ничего. — На самом деле она думала о том, что, какой бы мама ни казалась слабой и хрупкой, она бы не удивилась, если бы Ленора в ее отсутствие привела домой какого-нибудь красавчика. — Я попросила Терри заглянуть к тебе.

Она наклонилась и поцеловала Ленору. Мама крепко обняла ее на прощание:

— Дорогая, как только почувствуешь усталость, лучше остановись, отдохни.

— Обязательно, мам, обещаю тебе.

Она села в машину, глубоко вздохнула, завелась и уехала, окутанная клубами черного дыма. Сьюзен увидела в зеркале заднего вида, как мама машет на прощание, и помахала ей в ответ.

Через полквартала от дома, на углу шоссе 9N, она проехала мимо того места, где раньше был мотель «Гостевой двор». Она была благодарна Богу, что старый приют для мелких мошенников и непонятных иногородних прекратил свое существование раз и навсегда. Теперь это была группа небольших заброшенных зданий с заколоченными окнами и вывеской «Продается», которая стояла перед входом в течение последних пяти лет.

Сьюзен повернула налево на шоссе 9N и поехала дальше. Утреннее небо было темно-серым, и деревья уже стояли голыми и пустыми. По дороге она пыталась вспомнить, когда в последний раз уезжала из городка на целых полторы недели. Боже, неужели это было во время ее медового месяца?

Мысли об этом навевали уныние. Может быть, ей действительно на этой неделе махнуть на Ниагарский водопад и к горе Рашмор?

Она свернула на Милл-стрит и проехала мимо крошечной библиотеки, где они с Эми обычно читали книги об Амелии Беделии². За окном машины показался старый боулинг, где они с Дэнни впервые поцеловались. Все началось с поцелуйчика в щеку, которым он поздравил ее с удачным страйком, но к тому времени, когда закончилась игра, они поняли, что теперь попали на всю оставшуюся жизнь.

Затем она проехала мимо пресвитерианской церкви, где каждую неделю пела в хоре и пыталась поверить в Бога. По крайней мере, ей нравилось заниматься музыкой. Заехав в центр, она оказалась рядом с городским агентством недвижимости, где раньше работал Дэнни. Затем она заехала на заправку и ремонт автомобилей «Розелл».

Поприветствовать ее вышел сам Кларенс Розелл. Ему было под сорок, длинная борода и задумчивые глаза. Много лет назад Дэнни сказал ей, что Кларенс был великим шахматистом, выигрывал турниры в Олбани и даже в Нью-Йорке. Она удивлялась, почему он застрял в своей автомастерской и не интересовался ничем больше в жизни.

Может быть, он был такой же, как и она? Просто человек, который не может покинуть свой дом?

— Готова к путешествию? — спросил он, вытирая руки тряпкой, которую принес с собой.

² Серия детских книг (1963–1988) американской писательницы Пегги Пэриш (1927–1988) о домработнице Амелии, которая все инструкции воспринимала буквально.

Она кивнула:

— Я почти уверена, что мне не помешали бы новые шины и замена масла.

Кларенс посмотрел на шины.

— Да, эти две совсем устали, — он обошел машину с другой стороны, — а эти две почти совсем лысые. Должно быть, это из-за той разбалансировки, о которой мы говорили.

— Да уж... — Ее «Додж-Дарт» нуждался в помощи последние восемьдесят тысяч километров, но для ремонта бы понадобилось триста долларов только на запчасти, не считая работы мастера. — Что ж, давай приведем тебя в порядок.

Она села в приемной и начала читать о голливудских звездах в американском журнале «Мы» двухмесячной давности. Она всегда считала, что журнал должен называться «Они», а не «Мы», потому что у нее лично, черт возьми, не было ничего общего с этими людьми.

Примерно через полчаса Кларенс вернулся.

— Все готово, — сказал он.

Она сунула руку в карман пальто и достала пачку двадцаток, зажатую скрепками:

— Сколько я тебе должна?

— Нисколько.

Она недоверчиво посмотрела на него:

— Я серьезно.

— Правда, нисколько. Я помню твою дочурку. Она была милым ребенком.

На глаза Сьюзен навернулись слезы:

— Спасибо.

— Не переживай. Наверное, там ты встретишься с Дэнни?

— Я не в курсе. — Она правда не знала, придет ли на казнь ее бывший муж.

Но в глубине души надеялась, что так и случится. Чем бы ни была эта волшебная вещь, называемая в психологии «завершенность», она боялась, что не почувствует ее, если Дэнни не будет рядом. Они вместе пережили эту ужасную потерю, и им нужно было пережить вместе и завершение этого ада. Прошло девятнадцать лет с тех пор, как она видела его в последний раз, но, может быть, в эти выходные они снова воссоединятся, хотя бы в качестве друзей.

— Ну, если ты все-таки увидишь Дэнни, передай ему от меня привет. Да благословит вас обоих Господь.

— Спасибо, Кларенс.

Сьюзен вернулась на шоссе 9N и выехала из города. Впереди еще две с половиной тысячи километров, подумала она.

За окном остался бар «Ворона». Вывеску «Ночь в память Эми Лентиго» наполовину оторвало, и теперь она развевалась на ветру. Спустя пять километров она оказалась в Коринфе. В центре городка зашла в закусочную «У Молли». Внутри всколыхнулись воспоминания. Именно здесь началась та история...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пятница, 12 апреля, двадцать лет назад

Сьюзен была на кухне и собиралась отвезти Эми в школу, когда из закусочной позвонила Молли.

— Так хорошо, что я застала тебя дома! — воскликнула она. Ей было за шестьдесят. Молли открыла закусочную тридцать лет назад, во время расцвета бумажной фабрики. Каким-то чудом с тех пор она оставалась на плаву, несмотря

на все взлеты и в основном падения экономики. Сьюзен чертовски уважала ее.

— Привет, Молли, я уже в дверях.

— Есть ли шанс, что ты сможешь помочь сегодня в закуской? Нэнси и Эйлин дома валяются с простудой, я в отчаянии.

Сьюзен быстро все подсчитала. Она любила проводить вечера пятницы дома с Эми, играя в «Монополию» или за просмотром кино. С другой стороны, вечером в выходные в закуской было людно, и можно было бы сразу воспользоваться щедрыми чаевыми, потому что те три «верных» варианта со дня показа недвижимости не сработали.

А для Дэнни было очень важно прийти домой и получить свой законный ужин, тем более в конце рабочей недели. Но он говорил о том, что собирается работать до семи или восьми вечера, поскольку ему было нужно подготовиться к показу объекта на Скофилд-роуд. Когда Дэнни возвращался домой так поздно, то все, что ему было надо, — это чипсы, сыр и пиво перед телевизором, где показывали баскетбол. Так что его абсолютно не напряжет, если она поработает сегодня вечером.

Еще надо было решить вопрос с Эми: найти кого-нибудь, кто присмотрит за ней. Поэтому она сказала Молли, что перезвонит чуть позже и сообщит о своем решении.

Эми в нетерпении топала ножкой и ныла:

— Мама, мы опоздаем в школу.

— Как ты смотришь на то, чтобы потусить сегодня с бабушкой после школы?

Личико Эми в мгновение просветлело, и она захлопала в ладоши:

— Мы сможем сделать браслетики!